

УДК: 7.033.2(471); 72.033

ББК: 85.113(2)1

A43

DOI: 10.18688/aa199-3-36

Д. Д. Ёлшин

Каменная гражданская архитектура Новгорода XIV–XV веков в контексте истории изучения гражданских построек домонгольской Руси¹

В последние годы изучение каменных гражданских построек средневекового Новгорода — Владычной палаты Евфимия II 1433 г. и, предположительно, палаты Василия Калики 1350 г. — вывело на новый уровень представления об этой группе древнерусских монументальных построек [1; 59]. Тем не менее остаются нерешёнными многие вопросы, связанные с источниками архитектурных особенностей как этих сооружений, так и других новгородских каменных построек, известных благодаря археологическим работам и упоминаниям в письменных источниках. Для создания наиболее полного представления об этих памятниках необходимо обратиться к постройкам предшествующей, домонгольской эпохи.

Каменное гражданское зодчество домонгольской Руси — особая категория памятников. Массовая гражданская архитектура средневековой Руси была деревянной, а каменная архитектура представлена в основном церковными постройками. Ни одного каменного гражданского здания этого периода не сохранилось полностью, частично уцелел лишь один памятник (Боголюбово). Остальные постройки, количеством около двух десятков, стали известны в результате археологических исследований XX в.: их остатки дошли до нас в виде нижних частей стен, фундаментов или фундаментных рвов. Они обнаружены в исторически важнейших частях Киева, Чернигова, Переяславля Южного, Смоленска, Полоцка, Гродно, Владимира, Новгорода-Северского, Звенигорода Галицкого².

Письменные источники о рассматриваемых постройках очень ограничены. В первую очередь это летописные тексты, среди которых есть как краткие упоминания (о «строении банном каменном» (1089), о «красных полатах» во Владимире и Боголюбове (1175)), так и подробные рассказы, раскрывающие топографию построек (рассказ о мести Ольги древлянам (945), о смерти Владимира Галицкого (1152), об убийстве Андрея Боголюбского (1175), о пожаре во Владимире (1185)). Круг письменных источников может быть расширен за счёт неоднозначно трактуемых мест летописей, использующих те же или схожие названия для сооружений, строительный материал которых не-

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00045).

² Каталог каменных гражданских сооружений был составлен П. А. Раппопортом [40, с. 111–115], в более подробном виде сведения вошли в каталог памятников монументальной архитектуры Древней Руси [41]. Памятники, исследованные позже выхода в свет этой публикации, не каталогизировались.

известен («гридница» в похвале Владимиру Святославичу (996) и рассказе об ослеплении Василька Ростиславича (1097), «теремец» под Киевом (1150)), а также упоминаний в литературных сочинениях XII–XIII вв. («Слово о полку Игореве», «Слово о князьях», «Слово о богатом и убогом»). Особым источником являются упоминания построек в народном эпосе (былинах). В качестве графических источников зачастую привлекаются изображения из миниатюр Сказания о Борисе и Глебе Сильвестровского сборника, Троицкого списка Хроники Георгия Амартола, Радзивилловской летописи, Лицевого летописного свода, а также фресковых росписей домонгольских памятников.

В разные периоды предпринимались попытки обобщения этого материала. Внимание исследователей в первую очередь было приковано к проблеме соотношения источников. Главным вопросом стала интерпретация терминов, связанных со средневековой гражданской архитектурой (чаще всего без разделения на монументальные и деревянные сооружения): определение стоящих за понятиями функций и архитектурного облика, а также соотношение терминов между собой³.

Основополагающий анализ терминологии и структуры древнерусских гражданских построек произвёл ещё в конце XIX в. И. Е. Забелин, опираясь на письменные источники и сохранившиеся формы московских дворцовых построек XVII в. [15, с. 20–31; 16, с. 35–67]⁴. Главным обобщающим термином для дворцового сооружения И. Е. Забелин считал термин «хоромы», состоявшие «из таких частей, которые хотя и составляли одно целое, но вместе с тем были частями сами по себе независимыми» [16, с. 35]; «Хоромами или клетями в собственном смысле именовался только горний ярус, заключающий в себе горницы и прозываемый иначе верхом» [16, с. 45]. Одним из таких помещений наряду с горницами была гридница, которую Забелин считал «приёмной и... самым обширным покоем княжеского дворца» [15, с. 22], «столовой или гостиной» [16, с. 42]. Для соединения клеток и отдельных построек хором служили сени, «крытое пространство (сень — покрытие вообще) между стенами отдельных клеток... крытый и притом чистый, светлый двор между клетей... для приёма гостей, и для прогулок, и для всяких домашних игр» [16, с. 46]. Сенями, однако, могла быть названа и вся постройка целиком: «Сени бывали очень обширны, почему и самые хоромы нередко именовались собирательно тоже сенями» (Там же), «Так как сени представляли важное и притом неизбежное условие в расположении хором, то и самый дворец княжеский в древнейшее время именовался вообще сенями, сенницею» [15, с. 23]. «Повалушей» Забелин считал клеть третьего яруса над приёмной горницей, «отчего и вся эта трёхъярусная хоромина столовой известна была больше всего под именем *повалуши*» [16, с. 50]. Из-за совпадения функции Забелин считал «повалушу» более поздним названием «гридницы» [15, с. 22], а по высотности приравнивал «повалушу» к более раннему термину «вежа» и приписывал ей шатровое завершение [16, с. 50–52]. Напротив, «терем» для И. Е. Забелина — «только увенчание здания, верхний ярус хором» [15, с. 20], терема «устраивались под самой кровлей здания, были со всех сторон открыты,

³ Общий обзор мнений и аргументов дискуссии о терминах представлен в работе И.О. Попова [35], к сожалению, без критических оценок.

⁴ Исследования И. Е. Забелина, опубликованные впервые ещё в конце 1870-х гг., в дальнейшем неоднократно выходили с авторскими дополнениями.

почему и пользовались обширным видом» [15, с. 30]; «Над сенями, даже и в бедных хоромах, всегда строилась вышка — род бельведера, а у богатых непременно чердак, называемый иначе теремом, то есть такие же сени, составлявшие особый светлый покой с частыми светлыми окнами на все четыре стороны... В первоначальном смысле чердак (чертог) и терем означали, собственно, сень, род балдахина, вообще разновидное покрытие на четырёх подпорах» [16, с. 49]. И. Е. Забелин соотнёс свои наблюдения и с миниатюрами: «Главные типы, какими изобилует полатное письмо относительно гражданских зданий, прямо указывают на Русскую повалушу... и на терем» [16, с. 151]. Определив функции отдельных помещений, обозначаемых древними терминами, а в некоторых случаях и указав соответствовавшие этим помещениям архитектурные формы, И. Е. Забелин не отказывал терминам (прямо — повалуше, веже, сеням; косвенно — гриднице и терему) в том, что они могли распространяться на целую постройку (хоромину), в которой располагались соответствующие им помещения⁵.

Для подтверждения древнего значения термина «терем» оказались крайне важны наблюдения, сделанные И. Д. Мансветовым и К. А. Иностранцевым. И. Д. Мансветов обратил внимание на уникальное место в Троицком списке Хроники Георгия Амартола, где «пещерный дом» греческого оригинала переведен как «трём» (но с тем же контекстным смыслом кладовой, ризницы: «и обрете дом яко трём высок и скрыл в нём святыню Иерусалимского храма, двери же зазда») и сопровождается изображением башнеобразного сооружения с треугольной кровлей. Далее исследователь сопоставил древнерусский «терем» с «пиргом» (башней) византийских гражданских и церковных построек [30, с. 166–169]. К. А. Иностранцев обнаружил для «терема» параллели в архитектурной форме с близким названием из средневековой арабской архитектуры [18]. Вклад в дискуссию внесло издание «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, где показана многозначность терминов «терем/теремец» («высокий дом, дворец; сень, балдахин; купол; ризница; часовня») и «сени/сенница» («крыльцо; дом, палаты; портик; балкон») [49, стб. 895–896, 950–951].

А. А. Потапов, автор первого целенаправленного исследования о древнерусской каменной гражданской архитектуре, обратился в большей степени к сохранившимся архитектурным сооружениям и посвятил домонгольскому периоду лишь несколько страниц [36, с. 13–20]. В качестве гражданских построек А. А. Потаповым рассмотрены лестничные башни древнерусских храмов, что было развитием предположения Е. Е. Голубинского о том, что в древнерусских храмах башни с лестницами на хоры именовались теремами [13, с. 65]. Исходно слабо аргументированная (наименование древней башни Спасского собора в Чернигове «Красным теремом»⁶ и сравнение с поздними гражданскими теремами-башнями сольвычегодских хором Строгановых), эта идея была скорректирована А. А. Потаповым: лестничные башни, по его мнению, получили название теремов «именно по высоте и обделке верхней своей части» [36, с. 18]. К использованию для архитектурных реконструкций гражданских построек изображений

⁵ Отметим, что в обиходном (позднем) значении термин «терем» был синонимичным «дворцу» (дворцу-башне?); указания на это можно встретить в литературе XIX — начала XX в. [50, с. 26; 58, с. 92–93].

⁶ Необоснованность этого наименования была убедительно доказана уже М. Н. Бережковым [4, с. 16–21].

средневековой станковой живописи А. А. Потапов относился критически, считая их представляющими «фантастические или условные формы», однако уделил внимание изображению постройки с шатровыми кровлями на светской фреске южной башни Софийского собора в Киеве [36, с. 17–20].

В кратком, но ёмком труде В. Ф. Ржиги, посвящённом домонгольским княжеским дворцам, особая роль отведена «гриднице» и «терему», которые были, по мнению автора, «самыми своеобразными мотивами светского зодчества Киевской Руси» [44, с. 10]. Исследователь, впервые объединив сведения разных по характеру письменных источников (летописный рассказ о щедрости князя Владимира (996) с известиями о дворце «князя русов» из сочинения Ибн-Фадлана и «зале» (hall) Ярослава Мудрого из скандинавской саги⁷), предложил интерпретировать летописную гридницу как обширное парадное (тронное) помещение для приёма гостей в нижнем ярусе княжеского дворца, но «прежде всего помещение для телохранителей». Вслед за К. Раммом В. Ф. Ржига согласился с отождествлением «гридницы» с «особой постройкой типа северо-германской *hirdhstofa*» [44, с. 8]. «Сени» же, располагавшиеся в верхнем ярусе дворца, по мнению исследователя, появились в XI в. на смену древней «гриднице» (её парадной функции), а «терем» был «другим характерным зданием княжеского двора» [44, с. 7–15].

Работа В. Ф. Ржиги оказала большое влияние на последующие исследования, в которых был использован растущий корпус архитектурно-археологических данных. В обзоре Н. Н. Воронина «гридница» стала уже «отдельно стоящей постройкой, не связанной собственно с жилым дворцом» [11, с. 221]. Можно полагать, что к такому определению Н. Н. Воронин пришёл, впервые напрямую сопоставив «гридницу» с археологическими остатками монументальных гражданских сооружений X в. около Десятинной церкви в Киеве, открытыми в 1907–1914 гг.⁸ Развивая идеи В. Ф. Ржиги, Н. Н. Воронин объяснял отмирание функций гридницы процессом перехода от военной демократии к феодальному строю, когда «отпала и необходимость в больших парадных залах — гридницах, символизировавших теснейшую связь князя с его дружиной и верхами городской старшины» [11, с. 222]. Концепцией, которую последовательно аргументировал Н. Н. Воронин, была «трёхчленная» схема, разработанная «в жилищном строительстве варварской феодализирующейся знати на основе схемы обычного жилого дома» («шестистенка») [9, с. 5]⁹ — до такой степени, что значение холодной клетки-повалуши, по его мнению, получили полати-хоры придворного храма, соединённого переходами с княжескими хоро-

⁷ Сборник саг о норвежских конунгах «Гнилая кожа» XIII в. [46, с. 43].

⁸ В вышедшей в том же году монографии «Ремесло Древней Руси» Б. А. Рыбаков отметил, что за одной из этих построек «упрочилось название “гридницы Владимира”» [45, с. 359]. Полагаем, этот консенсус был достигнут при подготовке рукописи первого тома «Истории культуры Древней Руси», проходившей в 1939 г. «в процессе постоянного общения и самокритики» [9, с. 4], или при редактировании рукописи уже после войны.

⁹ Трёхдольная схема «теплая изба, сени, холодная клеть», лежащая в основе древних хором, впрочем, была обозначена ещё И. Е. Забелиным [15, с. 27–29; 16, с. 48; см. 48, с. 238]. До археологических исследований 1980-х гг. все постройки около Десятинной церкви также представлялись трёхкамерными. Вероятно, это заставило Н. Н. Воронина оговориться: «Не исключено, что описанные гражданские постройки... были дворцовыми зданиями переходного типа от гридниц к характерному трёхчленному комплексу феодальных хором» [11, с. 221].

мами [11, с. 224–225]. Ключевым вопросом для Н. Н. Воронина, автора реконструкции боголюбовского дворцового комплекса на основе собственных археологических исследований 1930-х гг., была интерпретация помещения в верхнем ярусе сохранившейся северной башни комплекса. Исследователь доказывал, что именно оно было «сенями», в которых происходило действие летописного рассказа об убийстве Андрея Боголюбского [12, с. 247–249]. В интерпретации «терема/теремца» Н. Н. Воронин следовал И. Е. Забелину, понимая значение термина в основном как шатровое завершение (верх сеней или сень-киворий); впрочем, исследователь также полагал, что «термины “сени” и “терем” порой применяются в равнозначном смысле» [10, с. 85]. Н. Н. Воронин поддерживал и гипотезу Е. Е. Голубинского о древнем наименовании лестничных башен теремами, дополнительно обоснованную им с привлечением изображений владимирских и боголюбовского собора из Лицевого летописного свода¹⁰ [12, с. 163, 250, 409].

М. К. Каргер, посвятивший «теремам» и «гридницам» в письменных источниках отдельный раздел монографии о Древнем Киеве, последовал в своих выводах Н. Н. Воронину, причисляя каменные гражданские постройки у Десятинной церкви и на Владимирской улице к «гридницам». «Сени» выступают у М. К. Каргера и как «характерная часть княжеского дворца», и как «постройка боярской городской усадьбы», «терем» оказывается «главной дворцовой постройкой» [23; 24, с. 77, 82, 84]. Отметим, что соответствующие очерки Н. Н. Воронина и М. К. Каргера были выразительно проиллюстрированы миниатюрами Радзивилловской летописи с изображениями «терема» княгини Ольги и «сеней» варяга-христианина.

В работах Н. В. Холостенко, связанных с осмыслением и реконструкцией каменных гражданских построек черниговского детинца («однокамерный» и «двухкамерный» «терема»), обнаруженных и исследованных археологически в 1950-х гг., за «теремом» окончательно закрепилось значение отдельной постройки и башнеобразного дворцового сооружения¹¹. Остатки однокамерной, квадратной в плане постройки около Спасского собора в Чернигове были сопоставлены с «теремцом» из «Слова о князьях» XII в. [5, с. 37]. В дальнейшем Н. В. Холостенко отказался от такого сопоставления, но не от термина¹². В качестве оснований для графической реконструкции трёхъярусной «теремной башни» им был привлечён ряд миниатюр Радзивилловской летописи и Сказания о Борисе и Глебе [5, с. 39; 55, с. 16].

¹⁰ Отметим, что Н. Н. Воронин не объяснил, каким образом в миниатюре свода XVI в. мог сохраниться облик первого Успенского собора во Владимире, перестроенного уже в конце XII в.

¹¹ Отметим также, что ещё в 1930-е гг. термин «терем» (только в кавычках) по отношению к гражданской постройке в детинце Гродно употреблял Й. Йодковский [60].

¹² В «Слове о князьях» рассказывается легенда о том, что в момент смерти черниговского князя Давида Святославича (1123) «рассъдеся верхъ теремцю... и влетѣ голубъ бѣль, и сѣде ему на грудехъ... и наполни храмъ блага воня» [33, с. 340]. Н. В. Холостенко связывал трещины в фундаменте открытой постройки с этим разрушением, но позже по стратиграфическим соображениям изменил свое мнение, считая, что постройка была разобрана до закладки Борисоглебского собора Давидом Святославичем [55, с. 11–12]. Новое расположение «теремца» недавно предложено О. М. Иоаннисяном и Е. Е. Черненко — на втором ярусе «крещальни», располагавшейся к югу от Спасского собора, на месте его нынешней южной башни [22, с. 147]. Основанием послужило, кроме зафиксированных при раскопках 2013 г. трещин в фундаменте, то, что в тексте «Слова» усматривается указание на церковь как место действия, хотя слово «храм», очевидно, имеет в данном случае значение «хоромы» [49, стб. 1397–1398].

Р. С. Липец, исследовавшая бытовые реалии Древней Руси на материале эпоса, подробно разобрала историографию интерпретации термина «гридница». По её мнению, в текстах былины есть подтверждения того, что «гридница» была самостоятельной постройкой княжеского двора, предназначенной для пиров-советов, и её главным помещением служил нижний, наземный ярус. Вместе с тем исследовательница выступила резко против какой-либо связи или преемственности между «гридницей» и «сенями» [28, с. 153–166].

Составу и названиям помещений хором посвящён раздел монографии Ю. П. Спегальского о жилище Северо-Западной Руси [48, с. 235–258]. Исследователь выступил с критикой принятых в науке представлений, указывая, что понятийный аппарат, предложенный И. Е. Забелиным, сформировался на основе архитектурных терминов XVI–XVII вв. и крестьянского фольклора, а реальное значение терминов в Средневековье было иным [48, с. 238, 254]. Опираясь на тот же набор древних письменных свидетельств и изображений на миниатюрах, что и его предшественники, Ю. П. Спегальский утверждал, что княжеские «сени» были «самостоятельной постройкой, заметно выделявшейся среди других составных частей хором» [48, с. 239], местом многочленных собраний, «пиров и официальных церемоний, совещаний князей и их приближённых, торжественных приёмов»¹³, а не переходами или вестибюлями (оспаривая и интерпретацию «закоулка в лестничной башне» боголюбовского комплекса [48, с. 241–242]). «Сени», по размышлениям Ю. П. Спегальского, располагались либо совершенно отдельно (в древнейший период), либо в торце, наравне с другими постройками хором. Древний «терем», по мнению исследователя, являлся принадлежностью только княжеских дворов и представлял собой «отдельное самостоятельное... особое здание, а не часть какой-то иной постройки и уж никак не вышку или бельведер» [48, с. 249], а по функциям предвосхищал более поздние «сени». В целом же, опираясь на изученную структуру богатых новгородских боярских и посадских дворов XI–XIII вв., Ю. П. Спегальский полагал, что для домонгольских княжеских и боярских дворов была характерна «компоновка хором в виде единого блока тесно примыкающих друг к другу помещений», соединённых переходами и наружными галереями [48, с. 247, 260].

Г. В. Борисевич, исследовавший термины хоромного строительства с целью реконструкции деревянной застройки Новгорода домонгольского времени, особое внимание обратил на «вежи», считая их укрепленной башней боярской усадьбы, а также отмечал «генетическое и функциональное сходство терема в хорамах с башней при соборе, называемой вежей, теремом, столпом, сенями просто и сенями со “столпом восточным”, «терем» для него — «более позднее название вежи» [6, с. 282].

Несложно заметить, что выводы исследователей об архитектурном и функциональном содержании терминов часто противоречат друг другу, хотя основаны, как правило, на одних и тех же источниках. Заметным расхождением во мнениях являются утверждения об обособленности той или иной постройки (хотя ещё И. Е. Забелин

¹³ Ю. П. Спегальский считал «старейшими русскими каменными сенями» «двухкамерный терем» в Чернигове [48, с. 251]. Впоследствии неоднократно указывалось, что эта «постройка была вскрыта лишь частично... её первоначальный план и назначение остаются неразгаданными» [26, с. 203], а её интерпретация при доследовании памятника может измениться в пользу церковного сооружения [41, с. 42].

отмечал, что название наиболее важной или заметной части могло распространиться на всё здание (хоромину?), см. выше). Для некоторых исследователей именно находки каменных построек стали подтверждением такой обособленности. При этом надо подчеркнуть, что среди открытых домонгольских каменных гражданских построек до сих пор ни одну нельзя уверенно отождествить с сооружениями, упомянутыми в письменных источниках (исключение составляет лишь сохранившийся «столп восточной» боголюбовского комплекса), следовательно, невозможны и объективные выводы об их облике или функции. За рамками дискуссии оказался термин «полата/полаты» (заимствование из греческого; в значении «дворец» встречаются формы единственного и множественного числа [см. 37, с. 144–145]), наиболее уверенно относимый именно к каменным постройкам. А. С. Львов отмечал, что в «Повести временных лет» в большинстве примеров «полата» — «здание или строение нерусское, греческое» [29, с. 118]: постройки в Константинополе, разрушенные русью в 907 г. («разбиша многы полаты» [34, стб. 30]), и особенно жилища (?) князя Владимира и княгини Анны в Корсуне в 988 г., которые автор должен был представлять каменными, будучи знакомым с ними или наслышанным о них («полата же Володимера... стоит и до сего дне, а црцна полата за олтарём» [34, стб. 111]). Этим термином источники называют и монументальные княжеские дворцы Андрея Боголюбского во Владимире и Боголюбове (1175) [34, стб. 367], однако крайне ограниченные археологические данные не позволяют судить об их основных архитектурных особенностях [12, с. 240–242; 17].

Анализ архитектурно-археологических остатков гражданских сооружений (вопросы реконструкции облика и определения функций) оказался неразрывно связан с дискуссией о средневековых терминах. Выводы Н. Н. Воронина и Н. В. Холостенко сформировали негласную типологию построек, которую П. А. Раппопорт и Е. В. Шолохова резюмировали так: «Некоторые княжеские дворцы имели в своем составе и каменную постройку, служившую парадной частью дворцового ансамбля. Это были либо помещения для собраний и пиров — так называемые гридницы, либо небольшие, но высокие башнеобразные постройки-терема» [43, с. 91]. В дальнейшем П. А. Раппопорт отказался от термина «гридница», но применял термин «терем» в отношении подквадратных построек в Чернигове, Гродно, Полоцке и Смоленске [41; 42]. Это наименование закрепилось в литературе¹⁴ [20, с. 30, 42–43], и лишь в недавнее время Вал. А. Булкин высказался о «небесспорности» термина «терем» в отношении открытых построек [7, с. 59; см. также 29, с. 117].

Уже в 1962–1963 гг. в Переяславле-Хмельницком была открыта гражданская постройка, интерпретированная авторами раскопок как епископский дворец. Формы этого здания не укладывались в схему противопоставления больших киевских и башнеобразных черниговских построек [3; 52]. Это заставило Ю. С. Асеева и его соавторов справедливо заметить, что «дворцовые постройки не могут и не имеют тех установившихся типологических черт, которыми характеризуются церковные постройки. У последних функциональная сторона крайне единообразна, и тип зачастую выработан

¹⁴ Упоминание гридницы встречалось лишь в работах украинских археологов и историков архитектуры, но только в отношении одной из гражданских построек на Старокиевской горе — юго-восточной [2, с. 26–28; 25, с. 69] или западной [31, с. 136].

“каноном”... В дворцовом комплексе типологическая схема играет роль, значительно меньшую, так как условия жизни, характер окружающей застройки, месторасположение здания и много других факторов влияют на конфигурацию плана, количество помещений, их соотношение, этажность здания и т. д.» [3, с. 212].

В единственном каталоге каменных гражданских зданий (11 построек), составленном в рамках свода археологических источников о древнерусском жилище, П. А. Раппопорт показательно отстранился от упомянутых терминов, дав разделу нейтральное название «Дворцы» и указывая в качестве основной парадную функцию перечисленных построек. В большинстве случаев в слое их развала действительно отмечены декоративные материалы — фресковая штукатурка и поливные плитки, изредка мозаичные плиты пола, смальта от настенных мозаик, резные каменные детали, витражные стёкла. В то же время П. А. Раппопорт отмечал сложность вопроса о конкретном назначении построек: хотя «здания... представляли собой не дворцы в целом, а лишь самостоятельные парадные залы, предназначенные для торжественных приёмов и пиров, а не для жилья», во втором ярусе, по его мнению, могли находиться каменные или деревянные жилые помещения. Существование второго яруса гражданских зданий П. А. Раппопорт предполагал в первую очередь из-за наличия массивных оснований и стен, а также принимая во внимание изображение смоленской постройки (гравюра XVII в.) и свидетельства о существовании переходов на хоры дворцовых храмов. Исследователь сознательно не привлекал другие, спорные изобразительные материалы [41, с. 111–115]. Таким образом, был поставлен вопрос о возможном совмещении разных функций в гражданских постройках¹⁵. Совершенно не исследованной представляется проблема изменений функций гражданских построек во времени — таковые можно предполагать, например, на основании летописного известия об устройстве церкви в «полате» новгородского архиепископа Митрофана (1211) [34, стб. 491].

История дискуссии об интерпретации средневековых терминов гражданского зодчества свидетельствует об их крайне спорном соотношении с материальными находками каменных сооружений домонгольского времени. Видимо, для наименования последних следует использовать нейтральный термин «гражданская постройка», не несущий противоречивых смыслов, сконструированных научной литературой XIX–XX вв.

Типология собственно архитектурных форм археологически выявленных древнерусских гражданских построек, количество которых почти удвоилось со времени обзора П. А. Раппопорта, не разработана. Тем не менее некоторые предварительные замечания могут быть сделаны. Среди достоверных археологически выявленных построек нет центрических — ротонд¹⁶. Вместе с тем строители не избегали применять слож-

¹⁵ Эти предположения подтверждены обнаружением в гражданской постройке Новгорода-Северского остатков глинобитной печи, обрушившейся вместе с деревянными перекрытиями первого яруса [57, с. 13].

¹⁶ Предположения о светском характере «киевской ротонды» [32, с. 182–192] в основном отвергнуты исследователями [8; 39]. Реконструкцию, а равно атрибуцию и датировку постройки на Старокиевской горе, известной как «Дворец княгини Ольги», в виде ротонды [53] нельзя считать удовлетворительной. Скучные материалы полевой документации указывают на более позднюю датировку и, возможно, наличие разных объектов, объединённых авторами раскопок в один [19, с. 115; 27, с. 129; 14, с. 157–161].

ные сводчатые конструкции на отдельно стоящих опорах. Таковы четырёхстолпная постройка в Новгороде-Северском [57; 56] и «трапезница» Киево-Печерского монастыря [51], скорее всего, имевшая во втором ярусе квадратный одностолпный объём¹⁷. Такой объём схож с залами на хорах Софийского собора в Киеве, положившими, по мнению А. И. Комеча, «начало длительному ряду торжественных зал русских дворцовых и монастырских построек» [27, с. 150].

Расположение каменных построек, исследованных археологически, чаще всего соответствует представлениям о месте княжеского или епископского двора; сама каменная постройка зачастую является одним из определителей такого места, параллельно с традиционными археологическими маркерами — вислыми печатями, импортными предметами, образцами прикладного искусства высокого качества, кладами. Внутренняя топография княжеского двора, впрочем, в археологическом отношении пока изучена недостаточно. В литературе отмечалось, что характерной особенностью княжеского двора являлись отдельные жилые и парадные постройки, соединённые переходами во втором ярусе. Ярче всего эта структура раскрывается на примере монументальных комплексов времени Андрея Боголюбского во Владимире и Боголюбове. Остаётся пока недостаточно ясным, в какой степени она является производной от романского зодчества (см. [47, с. 144]). Отдельными вопросами являются соотношение каменных и деревянных построек в комплексе княжеского двора, а также взаимная интеграция церковного и светского пространств в дворцово-храмовых комплексах.

Проблемы типологии гражданских построек и топографии дворцовых комплексов напрямую подводят к вопросу об аналогиях. Для древнерусских гражданских построек указывались некоторые, в основном случайные аналогии средневековых построек в Восточной и Западной Европе: «пирги/пиргосы» византийских дворцов и афонских монастырей [30, с. 168–169; 21, с. 436–437]; дворец IX в. в Микульчицах и «пирг» в Мадаре X в., романские дома XII в. в Праге [55, с. 12; 54, с. 83–84]; епископский дворец Вагаршапат в Звартноце [3, с. 212]; монастырь Тузлалка близ Преслава [51, с. 26], монастырь Осиос Мелетиос близ Мегары и комплекс построек в Плиске [38, с. 238]. Не менее важно сравнение с разнообразными богатыми деревянными постройками Древней Руси [55, с. 12; ср.: 48, с. 255], археологический фонд которых существенно пополнился за последнее время. Работа по проведению такого систематического сравнения гражданских построек ещё только предстоит.

В целом история изучения домонгольской гражданской каменной архитектуры демонстрирует проблемы, аналогичные проблемам изучения гражданской архитектуры Новгорода Великого XIV–XV вв.: интерпретации известных по летописи построек («владычные сени», «теремец/терем великий», «архиепископская гридница» и «каменные полаты/полатки»), топографии Владычного двора, типологии одностолпных залов — структурной основы новгородского архиепископского дворца. Несомненно, эти проблемы могут быть решены лишь комплексно, с учётом новых археологических и реставрационных данных.

¹⁷ Реконструкция «трапезницы» с поднятым на второй ярус четырёхстолпным храмом, предложенная Г. Трофименко и В. Гончаром [51], не выдерживает критики ни с точки зрения конструктивного решения, ни при сопоставлении с имеющимися аналогами — средневековыми монастырскими трапезными восточнохристианского мира.

Литература

1. *Антипов И. В., Булкин В. А., Жервэ А. В.* Гражданская постройка XIV в. в Новгородском детинце // *Seminarium Bulkinianum*. Т. IV. К 80-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина / Ред. И. В. Антипов, И. А. Шалина. — СПб.: Каламос, 2017. — С. 59–71.
2. *Асеев Ю. С.* Архитектура Древнего Киева. — Киев: Будівельник, 1982. — 158 с.
3. *Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А.* Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславле-Хмельницком // *Советская археология*. — 1967. — № 1. — С. 199–214.
4. *Бережков М. Н.* К истории Черниговского Спасского собора // *Труды XIV Археологического съезда в Чернигове*. — Т. 2. — М., 1911. — С. 1–28.
5. *Богусевич В. А., Холостенко Н. В.* Черниговские каменные дворцы XI–XII вв. // *Краткие сообщения Института археологии АН УССР*. — 1952. — Вып. 1. — С. 32–42.
6. *Борисевич Г. В.* Хоромное зодчество Новгорода // *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода* / Под общ. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. — М.: Наука, 1982. — С. 269–294.
7. *Булкин Вал. А.* Заметки по топографии новгородского детинца // *Новгородский исторический сборник*. — Вып. 15 (25). — Великий Новгород: Изд-во Новгородск. гос. ун-та, 2015. — С. 58–64.
8. *Висоцький С. О.* Київська ротонда і питання її атрибутів // *Археологія*. — 1994. — № 1. — С. 72–78.
9. *Воронин Н. Н.* Основные проблемы истории культуры Древней Руси X–XIII вв. (Доклад на февральской сессии Отделения истории и философии АН СССР) // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*. — 1940. — Вып. 7. — С. 3–10.
10. *Воронин Н. Н.* Основные вопросы реконструкции Боголюбовского замка // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР*. — 1945. — Вып. XI. — С. 78–86.
11. *Воронин Н. Н.* Жилище // *История культуры Древней Руси. Т. I. Материальная культура* / Ред. Н. Н. Воронин, М. К. Каргер, М. А. Тиханова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — С. 205–233.
12. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 1. XII столетие. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 584 с.
13. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1. Период первый, киевский или домонгольский. Вторая половина тома. — М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1882. — 791 с.
14. *Ёлшин Д. Д.* О «монументальной архитектуре» Киева в X в. // *Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова*. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — С. 151–164.
15. *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. I. (Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1. 3-е изд. с дополнениями). — М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1895. — 751 с.
16. *Забелин И. Е.* Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве (Вопросы науки, искусства, литературы и жизни. № 23). — М.: Издание книжного магазина Гросман и Кнебель, 1900. — 162 с.
17. *Зыков П. Л.* Новые материалы о комплексе построек Дмитриевского собора во Владимире // *ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча*. — М.: Северный паломник, 2006. — С. 181–198.
18. *Иностранцев К. А.* О «тереме» в древнерусском и мусульманском зодчестве // *Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества*. — Т. 9. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. — С. 35–38.
19. *Иоаннисян О. М.* Древнерусское зодчество и романская архитектура // *Труды V Международного конгресса славянской археологии*. — Т. III. — Вып. 2а. — М.: Ин-т археологии АН СССР, 1987. — С. 109–116.
20. *Иоаннисян О. М.* Зодчество второй половины XII века // *История русского искусства в 22 т.* — Т. 2. — Ч. 2. Искусство второй половины XII века. — М.: Северный паломник, 2015. — С. 18–139.
21. *Иоаннисян О. М., Черненко Е. Е.* Афонские традиции в зодчестве Древней Руси // *Афонское наследие. Научный альманах*. — Вып. 1–2. — Киев; Чернигов: Межд. инст. афонского наследия в Украине, 2015. — С. 432–445.
22. *Иоаннисян О. М., Черненко Е. Е.* Спасо-Преображенский собор в Чернигове в свете последних архитектурно-археологических исследований // *Ruthenica*. — 2017. — № 14. — С. 105–156.
23. *Каргер М. К.* Княжеские дворцы древнего Киева // *Учёные записки ЛГУ. Вып. 193. Сер. ист. наук*. — № 22. — Л., 1955. — С. 67–101.
24. *Каргер М. К.* Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 2. Памятники киевского зодчества X–XIII вв. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 662 с.

25. *Килиевич С. Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII века. — Киев: Наукова думка, 1982. — 175 с.
26. *Коваленко В. П., Раппопорт П. А.* Неизвестный памятник зодчества на Руси // Византийский временник. — 1991. — Т. 51. — С. 201–204.
27. *Комеч А. И.* Архитектура конца X — начала XII века // История русского искусства в 22 т. — Т. 1. — М.: Северный паломник, 2007. — С. 112–177.
28. *Литец С. Р.* Эпос и Древняя Русь. — М.: Наука, 1969. — 300 с.
29. *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». — М.: Наука, 1975. — 368 с.
30. *Мансветов И. Д.* Художественные и бытовые данные в славянском списке летописи Георгия Амартола из Библиотеки Московской духовной академии // Труды V АС в Тифлисе (1881). — М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко., 1887. — С. 161–169.
31. *Милецкий А. М., Толочко П. П.* Парк-музей «Древний Киев». — Киев: Наукова думка, 1989. — 152 с.
32. Новое в археологии Киева / Отв. ред. *П. П. Толочко*. — Киев: Наукова думка, 1981. — 456 с.
33. Памятники литературы Древней Руси: XII век / Сост. и общ. ред. *Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев*. — М.: Художественная литература, 1980. — 704 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. — Л.: Изд. Постоянной ист.-археогр. комиссии АН СССР, 1926–1928. — 579 стб.
35. *Попов И. О.* Княжеские резиденции в домонгольской Руси: летописные известия и археологические реалии // Stratum plus. — 2000. — № 5. — С. 391–406.
36. *Потапов А. А.* Очерк древней русской гражданской архитектуры. Вып. 1 (Древности. Т. XIX). — М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. — 121 с.
37. *Преображенский А. С.* Происхождение слова «полати» и вопрос о функциях хор ранних русских храмов // Храм і люди. Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. — Київ: Аграр Медіа Груп, 2013. — С. 143–159.
38. *Пуцко В. Г.* Архитектурный ансамбль княжого двора в Киеве // Кремли России (ГИКМЗ «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. 15) / Отв. ред. *Н. С. Владимирская*. — М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2003. — С. 224–241.
39. *Пуцко В. Г.* О киевской ротонде XII века // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. Архитектурно-археологический семинар (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 34). — СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. — С. 92–98.
40. *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище (Свод археологических источников. Вып. ЕІ–32). — Л.: Наука, 1975. — 179 с.
41. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников (Свод археологических источников. Вып. ЕІ–47). — Л.: Наука, 1982. — 136 с.
42. *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. — СПб.: Стройиздат, 1993. — 289 с.
43. *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Дворец в Полоцке // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — 1981. — Вып. 164. Славяно-русская археология. — С. 91–98.
44. *Ржига В. Ф.* Очерки из истории быта домонгольской Руси (Труды ГИМ. Вып. 5. Отдел исторический общий). — М.: Издание Государственного исторического музея, 1929. — 102 с.
45. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. — М.: Изд-во АН СССР, 1948. — 792 с.
46. *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. (Материалы и исследования). (Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1978 г.). — М.: Наука, 1978. — 240 с.
47. *Седов Вл. В.* Лестничная башня в Боголюбове (по материалам раскопок 2015 года) // Краткие сообщения Института археологии РАН. — 2017. — Вып. 249. — Ч. П. — С. 131–150.
48. *Спеальский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. — Л.: Наука, 1972. — 275 с.
49. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. Р–Я и дополнения. — СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1912. — 1684, 272 стб., 13 с.
50. *Тихонравов К. Н.* Книгинин Успенский Девичий монастырь (во Владимире Кляземском) // Памятная книжка Владимирской губ. на 1862 г. Издание Губернского Статистического Комитета. Отд. 2. Ч. 6. — Владимир: Губ. типография, 1862. — С. 3–38.
51. *Трофіменко Г., Гончар В.* Літописна трапезна Печерського монастиря в Києві // Архітектурна спадщина України. № 5. Традиції та новаторство у містобудуванні України / Ред. В. Тимофієнко, А. Пучков. — Київ: НДІТІАМ-Головкиївархітектура, 2002. — С. 13–28.
52. *Фрезе А. А.* Гражданская постройка («баня») в Переяславле и архитектура резиденций русских архиереев XI–XV веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей.

- Вып. 9 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — М.: МГУ имени М.В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2019. — С. 389–401.
53. Харламов В. А. Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X–XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. / Ред. П. П. Толочко. — Киев: Наукова думка, 1985. — С. 106–120.
54. Холостенко М. В. З історії зодчества Древньої Русі X ст. // Археологія. — 1965. — Т. XIX. — С. 68–85.
55. Холостенко Н. В. Черниговские каменные княжеские терема // Архитектурное наследство. — 1963. — № 15. — С. 3–17.
56. Черненко Е. Е. Об одном из памятников древнерусского «северского» зодчества // Русский сборник. — Вып. 8. — Т. 2. — Брянск: ред.-изд. отдел Брянского гос. ун-та, 2016. — С. 96–102.
57. Черненко О., Казаков А. Дослідження давньоруської монументальної споруди в Новгороді-Сиверському // Ruthenica. — 2005. — № 4. — С. 7–21.
58. Шероцкий К. В. Киев. Путеводитель. С планом г. Киева и 58 иллюстрациями. — Киев: Фотолито-типография «С. В. Кульженко», 1917. — 346 с.
59. Antipov I., Yakovlev D. The Faceted Palace in Novgorod the Great. The Main Problems of Restoration // Architectural Conservation and Restoration in Norway and Russia / Ed. E. Khodakovsky, S. S. Lexau. — London; New York: Routledge, 2018. — P. 82–98.
60. Jodkowski J. Grodno wczesnośredniowieczne w świetle prac wykopaliskowych dokonanych na królewskim Zamku Starym w Grodnie w latach 1932 i 1933 // Przegląd historyczno-wojskowy. — T. VII. Z. 1. — Warszawa, 1934. — S. 99–115.

Название статьи. Каменная гражданская архитектура Новгорода XIV–XV веков в контексте истории изучения гражданских построек домонгольской Руси.

Сведения об авторе. Ёлшин Денис Дмитриевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. denis.jolshin@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается история изучения каменной гражданской архитектуры Древней Руси домонгольского периода (X–XIII вв.) в научной литературе конца XIX — начала XXI в. Сделан вывод об основной проблеме историографии — соотношении письменных, изобразительных и археологических источников, сфокусированности исследований на вопросе интерпретации и соотношения терминов письменных источников (сени, терем, гридница, вежа), поднятом И. Е. Забелиным в конце XIX в. Осмысление растущего фонда материальных остатков каменных гражданских построек (составляющего более двух десятков сооружений) в большинстве случаев проходило в рамках указанной дискуссии, что привело к широкому распространению спорных гипотез. В малой степени изучены типология архитектурных форм, топография памятников, византийские и западноевропейские аналоги.

В статье отмечается сходство с проблемами изучения новгородской гражданской архитектуры XIV–XV вв. и необходимость комплексного анализа.

Ключевые слова: гражданская постройка; светская архитектура; византийская архитектура; древнерусская архитектура; дворец; терем; гридница; сени; вежа; палата.

Title. Masonry Civil Architecture of 14th–15th-Century Novgorod in the Context of History of the Research of Secular Buildings of Premongol Rus’.

Author. Jolshin, Denis Dmitrievich — Ph. D., senior researcher. Saint Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. denis.jolshin@gmail.com

Abstract. The history of studying secular architecture of the Old Rus’ in premongol period (10th–13th centuries) is considered in the article. It is argued that the problem of the correspondence between the written, pictorial, and archaeological sources was the central one, while the researchers were focused on the question of interpretation and correlation of the terms used in the written sources, such as *seni*, *terem*, *gridnitsa*, *vezha*, first investigated by Ivan Zabelin in the late 19th century. The analysis of the growing corpus of the archaeological remains of the masonry civil buildings (more than 20 at the moment) was held within the framework of the mentioned discussion, which caused the wide spread disputable hypotheses. On the contrary, the typology of the civil architecture, topographical features of the sites, and their links with the Byzantine and Western European analogs had been studied superficially. The problems of research of the civil architecture in 14th–15th-century Novgorod are considered to be close to the ones mentioned above, and demanding the comprehensive research.

Keywords: civil building; secular architecture; Byzantine architecture; architecture of Old Rus'; palace; terem; gridnitsa; seni; vezha; palata.

References

- Antipov I. V.; Bulkin V. A.; Gervais A. V. The 14th-Century Civil Building in the Novgorod Citadel. *Seminarium Bulkinianum*, vol. 4. St. Petersburg, Kalamos Publ., 2017, pp. 59–71 (in Russian).
- Antipov I.; Yakovlev D. The Faceted Palace in Novgorod the Great. The Main Problems of Restoration. *Architectural Conservation and Restoration in Norway and Russia*. London; New York, Routledge Publ., 2018, pp. 82–98.
- Aseev Iu. S. *Arkhitektura Drevnego Kieva (The Architecture of the Old Kiev)*. Kiev, Budivel'nik Publ., 1982. 158 p. (in Russian).
- Aseev Iu. S.; Sikorskii M. I.; Iura R. A. A Monument of Civil Architecture of the 11th Century in Pereyaslav' Khmel'nitskii. *Sovetskaiia arkheologiia (Soviet Archaeology)*, 1967, no. 1, pp. 199–214 (in Russian).
- Freze A. A. Secular Building (“the Bath-House”) in Pereyaslav' and the Residences of the Russian Hierarchs in the 11th–14th Centuries. Zakharova A. V.; Staniukovich-Denisova E. Iu.; Maltseva S. V. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 9. Moscow, Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, NP-Print Publ., 2019, pp. 389–401. Available at: <http://dx.doi.org/10.18688/aa199-3-34> (in Russian).
- Ioannisian O. M. Architecture of the Second Half of the 12th Century. *Istoriia russkogo iskusstva (History of Russian Art) in 22 vols*, vol. 2, part 2. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2015, pp. 18–139 (in Russian).
- Jolshin D. D. On “the Monumental Architecture” in the 10th-Century Kiev. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy. K 60-letiiu so dnia rozhdeniia Evgeniia Nikolaevicha Nosova (The Dialogue of the Cultures and Peoples of Medieval Europe. For the 60th Anniversary of Eugene Nosov)*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2010, pp. 151–164 (in Russian).
- Karger M. K. *Drevnii Kiev. Ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda (Old Kiev. Essays on the History of the Material Culture of the Old Russian City)*, vol. 2. Moscow; Leningrad, The USSR Academy of Sciences Publ., 1961. 662 p. (in Russian).
- Kharlamov V. A. The Research of the Stone Monumental Architecture of Kiev, 10th–13th Centuries. *Arkheologicheskie issledovaniia Kieva 1978–1983 gg. (Archaeological Research of Kiev, 1978–1983)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1985, pp. 106–120 (in Russian).
- Kholostenko N. V. Princes' Stone Palaces in Chernigov. *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, 1963, no. 15, pp. 3–17 (in Russian).
- Lipets S. R. *Epos i Drevniaia Rus' (Epos and Old Rus')*. Moscow, Nauka Publ., 1969. 300 p. (in Russian).
- Popov I. O. Princes' Estates in Premongol Rus': Chronicle Notes and Archaeological Materiality. *Stratum Plus*, 2000, no. 5, pp. 391–406 (in Russian).
- Potapov A. A. *Ocherk drevnei russkoi grazhdanskoi arkhitektury (Review of the Old Russian Civil Architecture)*, vol. 1. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova Publ., 1902. 121 p. (in Russian).
- Preobrazhenskii A. S. The Origin of the Term “Polati” and the Question of the Function of the Galleries of the Early Russian Churches. *Khram i liudi, Zbirka statei do 90-richchia z dnia narodzhennia Sergiia Oleksandrovicha Visots'kogo (The Church and People, Collection of Articles for the 90th Anniversary of Sergey Vysotsky)*. Kiev, Agrar Media Grup Publ., 2013, pp. 143–159 (in Russian).
- Rappoport P. A. *Drevnerusskoe zhilishche. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Ancient Russian House. Corpus of Archaeological Evidence)*. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 179 p. (in Russian).
- Rappoport P. A. *Russkaia arkhitektura X–XIII vv.: Katalog pamiatnikov (Svod arkheologicheskikh istochnikov) (Russian Architecture of the 10th–13th Centuries: Catalogue of the Monuments (Corpus of Archaeological Evidence))*. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 136 p. (in Russian).
- Rzhiga V. F. *Ocherki iz istorii byta domongol'skoi Rusi. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. Vyp. 5 (Essays on the Homelife in Premongol Rus'. Proceedings of the State Historical Museum, no. 5)*. Moscow, State Historical Museum Publ., 1929. 102 p. (in Russian).
- Spegal'skii Iu. P. *Zhilishche Severo-Zapadnoi Rusi IX–XIII vv. (Houses of the North-Western Rus', 9th–13th Centuries)*. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 275 p. (in Russian).
- Voronin N. N. Dwelling. *Istoriia kul'tury Drevnei Rusi (History of Culture of the Old Rus')*, vol. 1. Moscow; Leningrad, The USSR Academy of Sciences Publ., 1948, pp. 205–233 (in Russian).
- Zabelin I. E. *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII st. (Homelife of the Russian Tzars in the 16th–17th Centuries)*. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova Publ., 1895. 751 p. (in Russian).